

Жизнь прожить – не поле перейти

На днях в редакцию зашел наш старый друг Петр Матвеевич СОБАНИН. Он снова дома, в Заглубоцкой: успел заготовить лыко, плетет ступни, корзинки, побывал на районной ярмарке, к нему приезжали гости издалека – учились ремеслу.

- Петр Матвеевич, верно говорят, что в гостях хорошо, а дома лучше?

- Верно, - соглашается он. - Пока была жива жена Люба, мы с ней жили дома, в деревне, дети и внуки часто приезжали к нам гостить. Помогали с деревенскими работами. В 2013 жена померла, в возрасте уже, поэтому дети не оставили меня в деревне одного. Дочки живут в Архангельске, сын в Северодвинске, растут шесть внуков и четыре правнука. Вот третью зиму живу у сына. Деревенскому мужику, прожившему большую часть своей жизни в много, а поздороваться не с кем, никого не зная, иногда поздороваться в честь уважения, то с полным удивлением в ответ здороваются, оказываются, еще не совсем очерствели люди. У бабушек одна забота: пенсия небольшая, а цены все растут, вот они между собой и разговаривают, в каком магазине цены пониже, советуют друг другу сходить в него.

Пока не познакомился с городом, было трудно, ко всему надо привыкнуть. Нашел такое место, озеро, где плавает большое количество уток, чаек, голубей, воробьев, все в черте города, есть даже ондатры, и гуся иногда садятся, все любят хлеб, яблоко и другие продукты. Много любопытных, от мамаш с колясками и малышами до мужчин с детьми. Есть много развлекательных снарядов, верблюды, на которых с удовольствием лазают дети, много и других развлечений. Через проточку есть мостик, где молодожены на перила вешают замки дружбы, там висят сотни замков. Поскольку мне 87 лет, и чтоб ходить на своих ногах, я делаю пробежку ежедневно по городу по пять километров.

- Какой Вы, Петр Матвеевич, наблюдательный человек! Не думали - не гадали, а три зимы уже горожанин!

- Нет, какой я горожанин! А вот что не думал - не гадал, так это точно. Молотовск - так ведь до войны-то назывался город. Первый раз я услышал это название в 1938 году. Коллективизация уже прошла, а не все по своему желанию вступили в колхоз. А кто совсем не хотел, те просто уезжали из деревень. Так уехала семья и Поповых из нашей деревни Заглубоцкой. Муж Павел Николаевич, жена Анастасия Дмитриевна, два

Петр Собанин летом живет тут, на зиму уезжает в Северодвинск к сыну. Таких, как он, остались единицы по умирающим деревням. Они дети той системы организации жизни, которая функционировала в аграрной деревне. Это важно. Потому что современная российская деревня, если она жива, живет по сути городской жизнью. У Собанина есть родной дом, есть родная деревня, в ней можно жить, но на самом деле жить нельзя. Нет той формы жизни, ушли люди.

сына - Бронислав и Анатолий. Уехали на север, на заработки, в малоизвестный по тем временам город Молотовск. Сначала жили там, видать, неплохо, потому что часто посылали посылки домой (дома оставались мать и большая дочка), вот и посылали кондитерские, а иногда даже муку. Так жили до 1941 года, тут началась война. Анастасия Дмитриевна выехала с сыновьями обратно в колхоз, а Павел остался на войне и домой больше не приезжал.

- Война для Вас - это нескончаемая боль...

- Конечно. Когда началась война, я только окончил Доровскую начальную школу, в которую приходилось ходить пешком за пять километров. Было мне тогда двенадцать годов. Подали заявление в Городищенскую среднюю школу, но учиться не было возможности, ходить надо было за 20 километров. Вот и пришлось работать наравне со взрослыми в колхозе, узнать голод и холод. Так было все четыре года, но и потом не сразу стали жить хорошо. По окончании войны мне было шестнадцать. В 1946 году в пяти километрах от Дора на речке Пенюж открыли лесозаготовку, построили бараки для кадровых рабочих и сезонных, другие постройки, заготовили две большие скирды сена на окраине поля, возили сено из колхозов Космаревского сельсовета. Пригнали трофейных крупных лошадей для кадровых рабочих. Там же направленные из колхозов работали сезонные рабочие, в том числе и я. Летом - в колхозе, а осенью, первого октября, в сельсовете выписывали повестки до мая, и мы не имели права

нарушить дисциплину, установленную в лесопункте. Весной надо было быть готовым на сплав древесины по речке Светица, успеть славить до речки Городищца, пока Светица не обмелела. Я проработал в лесу пять зим, потом, в 1951 году, нас, большинство ребят, взяли в армию на четыре года. До призыва я не видел ни города, ни поезда. Я отдаю должное армии, мы повидали весь Союз, многое узнали, что пригодилось в дальнейшем.

После демобилизации встал вопрос, куда поехать жить. Образование всего четыре класса. Решил отправиться на целину, но нужна специальность механизатора. Прочувшись шесть месяцев в Свердловской области в поселке Бисергов, я получил права механизатора. В Кокчетавской области, в Казахстане, куда нас направили, посевная уже шла к завершению, и тракторов нам не дали! Выдали документы, и мы поехали домой, в свою МТС. Так вот и начал работать в Жаровской МТС. Потом технику передали в колхозы, и мы опять вернулись туда. В колхозе я проработал механизатором на разной технике тридцать пять лет. Женился, вырастил с женой троих детей, сына и двух дочек, все уже на пенсии сейчас. Живут в городах, все вроде и хорошо, но мне обидно за мою деревню да и все другие, где не осталось ни одного человека, и спросить не с кого, кто виноват.

Не согласиться с Петром Матвеевичем трудно, остается только надеяться, что вернутся люди к земле.

Подготовила
Ирина ЧЕБЫКИНА.